

Глава 91. Суд Круглого стола

Ли Цзяньчуань прищурился. В его пальцах внезапно вспыхнуло яркое пламя зажигалки.

— Вас удивляет этот вопрос, леди Мофи? На самом деле я уже давно изучил список жертв по делу об исчезновении школьного автобуса.

Он внимательно следил за реакцией собеседницы.

— Вы знаете, что я не Лос, но продолжаете называть меня этим именем... Звучит противоречиво. Смею предположить, что вы что-то скрываете. Или, вернее сказать, пытаетесь скрыть это от кого-то другого. Вы — Наблюдатель?

— Наблюдатель?

Леди Мофи слегка нахмурилась, и в её взгляде промелькнуло искреннее недоумение.

— Это ваш второй вопрос, господин Лос?

Её реакция не походила на притворство. Ли Цзяньчуань почувствовал, как напряжение в груди немного спало. Хотя он уже сталкивался с Наблюдателем в раунде «Смертельная викторина в день лавины», природа этих существ всё ещё оставалась для него загадкой. В этом деле он подозревал, что роль Наблюдателя выполняет сама карточка для ответов.

Следовательно, в игре уже был один Наблюдатель. Но, вспоминая намёки Нин Чжуня в том телефонном разговоре перед расставанием, Ли опасался, что в тени могут скрываться и другие, настроенные враждебно.

Появление Наблюдателя всегда означало резкое повышение сложности, а если их несколько — ситуация становилась критической. Согласно словам Нин Чжуня и Се Чаншэна, такие существа — редкость, одна на десять тысяч игр. Мужчина не знал, радоваться ли такому «везению» или негодовать: за четыре раунда он встретил их дважды.

Судя по поведению леди Мофи, она не была Наблюдателем, однако явно осознавала присутствие «чужака».

Иначе хозяйка дома не стала бы называть его именем Лоса сразу после того, как сама же отрицала его личность. За этим странным упорством наверняка крылась иная, пока не ясная причина.

— Нет, — Ли Цзяньчуань получил свой ответ и не стал развивать тему. Он лишь слегка повёл бровью. — Ответы на эти вопросы я найду сам... Вернёмся к Скотту. Знаете, я ведь так и не

нашёл его имени в списке погибших при исчезновении автобуса.

Он не сводил глаз с пляшущего огонька зажигалки.

— Могу предположить, что юный наследник сменил имя ещё до того инцидента. Всеми виной Дело о похищении и торговле детьми?

Ли Цзяньчуань сделал паузу, чеканя слова:

— Я только что видел Скотта. И, по чистой случайности, видел фотографии из Дела о похищении и торговле детьми. Среди спасённых малышей был один, удивительно похожий на юного господина... Вероятно, это и был Скотт, повзрослевший на два года. В момент смерти мисс Ил адвокат Зак, как обычно, увёз мальчика из поместья, но что-то пошло не так. Зак его упустил.

— Скотта схватила банда работарговцев, которая долгое время орудовала в окрестностях города Мейн. А позже, благодаря доносу некоего Андре, детектив Боб раскрыл это дело...

Леди Мофи холодно усмехнулась. Она не проронила ни слова, но Ли заметил, как непроизвольно дрогнул уголок её век, тронутый мелкими морщинками.

Ли Цзяньчуань резко сменил тему:

— Впрочем, всё это лишь мои догадки. Перейдём ко второму вопросу. Леди Мофи, я слышал, что после смерти господина Морка вы пригласили предсказателя, чтобы избавить поместье от проклятия и зловещих слухов. Зачем вам это понадобилось?

Женщина едва заметно скривила губы.

— Чтобы подавить один слух, нужно пустить другой — более авторитетный. Неужели вы думаете, господин Лос, что эти прорицатели и впрямь владеют магией?

— Разумеется, нет, — отрезал Ли.

Хотя после знакомства с игрой «Пандора» его научное мировоззрение дало серьёзную трещину, «реальность» этого раунда явно исключала существование истинных призраков.

— Однако мне нужно имя этого человека. Тот, кто сумел за короткий срок превратить пугающую легенду в загадочную историю, привлекающую толпы любопытных, явно не рядовой предсказатель. К тому же, он спас поместье Мофи от разорения, не так ли?

Взгляд хозяйки дома скользнул по лицу собеседника. Она грациозно вскинула голову.

— Считайте это третьим вопросом. Раймонд. Его зовут Раймонд, и он самый известный предсказатель в Мейне.

Мейн. Снова этот город.

Ли Цзяньчуань не верил, что обычный фокусник мог обладать таким влиянием. Какую роль в этой истории играл Раймонд, лишь мельком промелькнувший в материалах дела?

Медленно распутывая клубок мыслей, мужчина задал следующий вопрос:

— Четвёртый вопрос, леди Мофи. Был ли это адвокат Зак, кто спас Скотта из лап работорговцев и вернул его домой?

Он снова вернулся к началу. Женщина, похоже, не сразу уловила его ход мыслей. Она подозрительно изучала его несколько мгновений, прежде чем сухо кивнуть:

— Да, именно так.

Дело о похищении и торговле детьми, Зак, Андре, Боб, исчезновение автобуса...

В сознании Ли Цзяньчуаня начала брезжить истина. Его пальцы, прижатые к виску, напряглись, а в глубине тёмно-серых зрачков медленно сгустились холодные искры.

— Один вопрос не давал мне покоя с самого начала, — произнёс он, задумчиво прищурившись.
— И я уверен, леди Мофи, что только вы знаете ответ.

Он поднял на неё тяжёлый взгляд.

— Вы прекрасно знали, что Лос — прокурор, а Комон — частный детектив. Они опасны для вас, они способны раскрыть все тайны этого дома. Так почему же вы продолжали настойчиво приглашать их на свои закрытые показы?

Леди Мофи безмятежно улыбнулась.

— Я люблю приглашать статусных людей, интересующихся живописью. Это обычные светские связи, господин Лос.

Ли Цзяньчуань услышал ответ и мгновенно распознал фальшь.

«Она лжёт»

Эта сделка, не закреплённая «вакуумным временем», держалась лишь на взаимном сдерживании и была крайне хрупкой.

Раз она солгала, значит, либо его рычаги давления больше не действуют, либо вопрос задел нечто настолько важное, что правда была исключена. Ли склонялся ко второму варианту — леди Мофи не напала сразу, а лишь попыталась отделаться пустой фразой. Это значило слишком многое.

Ему невольно вспомнился ответ, который он выторговал у Круглого стола в первом раунде: «Они знакомы, но не знают друг друга».

На самом деле его поразило уже то, что она честно ответила на первые четыре вопроса. То, что она споткнулась на пятом, было вполне ожидаемо.

— У меня больше нет вопросов, леди Мофи.

Ли Цзяньчуань выпрямился и как бы невзначай подошёл к призрачным Судным вратам.

— Кстати, ваша выставка закрывается сегодня днём? Почему вы не закрыли её сразу, как только обнаружили тело мужа? Убитая горем вдова, продолжающая светский приём... Это выглядит крайне подозрительно.

Леди Мофи заметно расслабилась, когда он отошёл от двери мастерской. В её глазах вспыхнул недобрый огонь, а пальцы, обнимавшие Скотта, едва заметно шевельнулись.

— Вы правы. Разумеется, я объявила о закрытии сразу же. Но сейчас мы внутри картины, и здесь...

Не дав ей закончить, Ли Цзяньчуань внезапно щёлкнул пальцами.

— Спасибо, леди Мофи.

Зрачки женщины резко сузились.

Из стен коридора мгновенно вырвались зловещие тени, устремившись к мужчине. Но в тот же миг, как прозвучал щелчок, таймер на вратах обнулится, подчиняясь слову «закрытие», сорвавшемуся с её губ. Ли рванул ручку и в одно мгновение исчез за порогом. Судные врата захлопнулись, с силой отшвырнув назад воюющие призрачные силуэты.

— Лос! — яростный крик мгновенно затих вдали.

Ли Цзяньчуань с самого начала не верил, что она отпустит его добровольно.

Знакомое чувство рывка, вспышка перед глазами — и он снова чувствует почву под ногами. Послышался грохот: он задел ногой разбросанные по полу кисти и тюбики.

— Мастерская...

Опрокинутое ведро мгновенно выплеснуло густую красную краску, пачкавшую его брюки. Ли отступил в сторону, щурясь от яркого света.

Это была крохотная каморка площадью чуть больше десяти квадратных метров. Стены были выкрашены в агрессивно-алый цвет, пол завален эскизами и коробками с красками. В центре стоял низкий столик и мольберт — всё было приспособлено под рост ребёнка.

Это была личная студия юного Скотта. Та самая секретная комната, спрятанная внутри мастерской леди Мофи.

Ли принялся быстро просматривать этот творческий хаос и в углу обнаружил полотно «Легенда о Доме уединения».

Всё было именно так, как он представлял: картина охватывала всё поместье целиком. Она была внушительной, хоть и не гигантской. На фоне глубокой ночи, словно из гущи тёмного леса, проступали очертания дома. Одно-два окна светились кровавым светом, напоминая горящие глаза зверя.

Если вглядываться дольше, возникало странное чувство, будто ты погружаешься в безумие автора. Мужчине показалось, что серые облака над домом похожи на хлопья пепла, в которых застыли искажённые злобой лица.

Обыскав каждый сантиметр комнаты, Ли окончательно убедился в своих подозрениях. В углу он нашёл то самое ведёрко и удочку, что видел в спальне Скотта. Только на этот раз в воде лежала окровавленная рыба с содранной чешуёй.

Наконец, Ли Цзяньчуань нашёл полный дневник Скотта.

В нём оказалось ровно шесть страниц — по числу игроков, оставшихся в живых к началу раунда. За вычетом той страницы, что уже была у Ли, остальные пять описывали ключевые события.

Первая запись гласила о страсти Скотта к рисованию. Для него это было единственным

способом выплеснуть эмоции и не сойти с ума от кошмаров, терзавших его разум. Судя по дате, мальчику было всего года три; почерк был корявым, но тон — пугающе взрослым.

Вторая страница описывала его мать. Он называл её «смехотворной свиньёй», которая пытается задобрить его кровью.

Третья и четвёртая записи были посвящены Заку. Они оба обожали актёра Мода, и на этой почве адвокат стал для Скотта единственным «своим» человеком. Вместе они придумывали «забавные игры». Однако мальчик считал адвоката «не слишком умным» — скорее «смышлёным боровом», которым легко манипулировать.

Ли Цзяньчуань невольно подумал, что в мире Скотта все вокруг были свиньями, а он — единственным человеком. Трудно, должно быть, жить в хлеву.

Пятая, самая свежая страница, была наполнена восторгом. Скотт узнал некую тайну и повторял: «Как интересно!». Он жаждал разобраться в этом деле, но так и не раскрыл в дневнике, о чём именно шла речь.

Ли это насторожило. В деле появилось слишком много ключевых фигур, связанных между собой невидимыми нитями. Чтобы вынести окончательный приговор, ему всё ещё не хватало одной важной детали.

Перевернув мастерскую вверх дном, мужчина толкнул единственную дверь и вышел наружу. Едва он сделал шаг, как пространство вокруг пошло рябью, и тесная каморка сменилась кабиной металлического лифта.

Лифт стремительно падал вниз. На маленьком экране горело время: начало восьмого. До ужина оставалось меньше получаса. В этот раз он задержался дольше обычного — видимо, время, проведённое в мастерской, тоже шло в счёт.

Ли Цзяньчуань прислонился к холодной стене лифта, пытаясь перевести дух. Он чувствовал глубокое ментальное истощение.

Наконец, кабина замерла, и двери разошлись. Мужчина собрал остатки сил и, сохраняя предельную бдительность, вышел в черноту коридора.

Один шаг — и он у Круглого стола.

Вместе с ним вернулись ещё трое. Значит, за четвёртым ужином в этом раунде собралось четверо выживших.

К удивлению Ли, среди них оказались Епископ слева и Андре — тот самый Рыцарь, которому он в прошлом раунде приказал вырвать глаза. Четвёртым был игрок под кодовым именем

Преторианец. Иными словами: прокурор Лос, старый начальник, Андре и некто неизвестный.

Трое игроков обменивались колючими взглядами, не скрывая взаимной ненависти. Но Ли Цзяньчуань, едва опустившись в кресло, приковал взгляд к предмету на своей тарелке.

Там лежал великолепный красный пион, омытый росой, в лепестках которого дрожал нежный отблеск свечи.

Яркие, словно налитые кровью лепестки плотно прилегали друг к другу, источая одновременно порочную и чистую красоту. Этот цветок был точной копией татуировки на запястье Нин Чжуня. От него исходил аромат искушения и обжигающей страсти.

Ли мельком взглянул на столы других — там было пусто. Это был подарок лично ему.

Не обращая внимания на воцарившееся за столом напряжение, Ли Цзяньчуань взял цветок. Он поднёс его к лицу, вдыхая знакомый прохладный аромат, и позволил лепесткам коснуться кончика носа.

Когда запах полностью заполнил его чувства, мужчина слегка склонил голову и коснулся языком самого прекрасного лепестка, а затем резко сорвал его зубами и принялся медленно жевать.

Тихий, надрывный и сладостный стон, донёсшийся словно из далёкого запределья, на миг коснулся его слуха и тут же растаял, словно наваждение.

Красный пион медленно увядал в ладони, превращаясь в лужицу воды, источающую странный, холодный аромат.

Ли Цзяньчуань поднёс руку к лицу и иронично выгнул бровь.

«Не оттуда?»

***

<http://bllate.org/book/15871/1570428>